

Условия приобретения исключительных прав на некоторые объекты промышленной собственности**Р. А. Курбанов**

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой гражданского права и процесса РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: mos-ssp@mail.ru**О. В. Шведкова**

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник ИЗиСП.

Адрес: ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», 117218, Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34.
E-mail: olga0140@mail.ru**А. М. Белялова**

научный сотрудник ИЗиСП.

Адрес: ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», 117218, Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34.
E-mail: mos-ssp@mail.ru**Terms of the Acquisition of Exclusive Rights to Certain Industrial Property****R. A. Kurbanov**

Doctor of Law, Professor, Honoured Jurist of the RF, The Head of the Department for Civil Law and Procedure of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: mos-ssp@mail.ru**O. V. Shvedkova**

PhD, Leading Researcher of the IZAK.

Address: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 34 B. Cheremushkinskaya Str., Moscow, 117218, Russian Federation.
E-mail: olga0140@mail.ru**A. M. Belyalova**

Researcher of the IZAK.

Address: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 34 B. Cheremushkinskaya Str., Moscow, 117218, Russian Federation.
E-mail: mos-ssp@mail.ru**Аннотация**

В статье рассматривается одна из основных категорий права интеллектуальной собственности – категория «исключительные права». Авторами проанализирован значительный объем доктринальных источников – труды российских и иностранных ученых, – содержащих различные точки зрения на правовую природу исключительных прав, среди которых выделяются представители проприетарной теории, теории интеллектуальных прав, сочетания «позитивных» и «негативных» аспектов. В статье также отмечается, что в конце XIX в. было сформулировано существенное число иных теорий, которые так или иначе объясняли правовую природу исключительных прав. Проанализировано их содержание, а также соотношение с иной категорией – «право собственности». Существенное внимание авторы уделили исследованию условий получения правовой охраны такими объектами права промышленной собственности, как объекты патентного права, селекционные достижения, программы для ЭВМ, топологии интегральных микросхем, а также базы данных.

Ключевые слова: объекты промышленной собственности, интеллектуальная собственность, право собственности, программы для ЭВМ, топологии интегральных микросхем, базы данных, селекционные достижения, объекты патентного права, промышленный образец, изобретение, полезная модель, условия патентоспособности.

Abstract

The article deals with one of the main categories of intellectual property rights – the category of "the exclusive rights". The authors analyzed a significant amount of doctrinal sources – the works of Russian and foreign scientists – containing different views on the legal nature of the exclusive rights, among which are the representatives of the proprietary theory, the theory of intellectual property rights, a combination of "positive" and "negative" aspects. The article also notes that at the end of the XIX century was formulated a significant number of other theories which, anyway, explained the legal nature of exclusive rights. Analyzed its content and relation to other categories – ownership. Considerable attention was paid to the authors study the conditions for obtaining such objects of legal protection of industrial property rights as a subject of patent rights, selection achievements, computer programs, integrated circuits, as well as databases.

Keywords: industrial property, intellectual property, property rights, computer programs, integrated circuits, database, selection achievements, subject of patent rights, industrial design, invention, utility model, conditions of patentability.

Говоря об условиях приобретения исключительных прав на объекты промышленной собственности, нельзя обойти вниманием один из сложных вопросов в юридической доктрине – вопрос о правовом содержании категории «исключительные права». В соответствии с пунктом 4 статьи 129 ГК РФ, результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации не могут отчуждаться и переходить от одного лица к другим субъектам права. Вместе с тем могут отчуждаться и иным способом переходить к третьим лицам соответствующие права на названные объекты. Таким образом, в соответствии со статьей 128 ГК РФ, одновременно к объектам гражданских прав относятся как непосредственно результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ и услуг, так и права на такие объекты. В этой связи интересной считаем позицию Э. П. Гаврилова, по мнению которого исключительные права представляют собой составную часть правового режима на результаты интеллектуальной деятельности, и, соответственно, отнесение таких прав к самостоятельным объектам гражданских прав представляется «досадной неточностью» [6. – С. 18]. Из буквального толкования норм статей 128 и 129 ГК РФ можно сделать вывод о том, что результатам

интеллектуальной деятельности и приравненным к ним средствам индивидуализации как объектам гражданского права предоставляется правовая охрана, в то время как права на такие объекты могут участвовать в гражданском обороте. Возможность участия таких прав в имущественном обороте раскрывается через их содержание.

По мнению О. Г. Ломидзе, исключительные права имеют сложную структуру, которой свойственна динамика. Рассматривая категорию исключительных прав, он отмечает изменение состава правомочий от момента возникновения права на подачу заявки до момента получения всех патентных прав, наконец, до потери имущественных правомочий в связи с истечением срока их охраны. Данная позиция нашла отражение в трудах многих авторов [1; 8; 27. – С. 481; 36].

Анализируя содержание исключительных прав, в свою очередь В. А. Дозорцев приходит к выводу о том, что правомочие использования как элемент исключительного права представляет собой не что иное, как «придание результату творчества формы, пригодной или удобной для непосредственного потребления и приспособленной к пуску в оборот» [14. – С. 291]. Основываясь на положениях закона, автор под использованием понимает действия, связанные с практическим применением «интеллектуального продукта». При

этом под распоряжением он подразумевает факт передачи определенным лицам или всеобщее разглашение сведений, воплощенных в материальном носителе или выраженных в иной объективной форме. Относительное правоотношение, направленное непосредственно на передачу исключительного права посредством его отчуждения или передачи в пользование, означает не что иное, как предоставление иным лицам законного основания использования объекта, а в ряде случаев и отчуждения исключительного права. Интересно отметить, что В. А. Дозорцев прямо говорит о возможности «дублированной» передачи правомочий в отношении одного и того же объекта различным субъектам права. Правомочие распоряжения отличает динамическая функция, поскольку с допуском третьих лиц к «исключительности» происходит динамика права.

Рассуждая о правомочии использования объекта интеллектуальной собственности, следует обратить внимание на следующее обстоятельство: исключительное право гарантирует его обладателю возможность установления контроля не над всеобъемлющим (абсолютным) использованием объекта, а, как правило, только в отношении его коммерческого использования. Данный вывод подтверждается действующим законодательством. В частности, это отчетливо прослеживается в нормах авторского права (ст. 1273–1280 ГК РФ), в которых прямо установлены случаи свободного использования названных в них объектов. Так, статья 1280 ГК РФ определяет случаи свободного использования программ для ЭВМ и баз данных, т. е. когда лицо, правомерно владеющее экземпляром программы для ЭВМ или экземпляром базы данных (пользователь), вправе использовать его без разрешения автора или иного правообладателя и без выплаты дополнительного вознаграждения. Статья прямо перечисляет случаи подобного использования.

Вместе с тем пункт 4 статьи 1280 содержит общий предел такого свободного использования: «применение положений, предусмотренных настоящей статьей, не должно противоречить обычному использованию программы для ЭВМ или базы данных и не должно ущемлять необоснованным образом

законные интересы автора или иного правообладателя».

Безусловно, данный вывод также находит подтверждение в урегулировании свободного использования объектов патентного права (ст. 1359 ГК РФ), селекционного достижения (ст. 1422 ГК РФ) и топологий интегральных микросхем (ст. 1456 ГК РФ). При этом пункт 4 статьи 1359 ГК РФ и пункт 1 статьи 1422 ГК РФ допускают свободное использование названных объектов промышленной собственности или совершение определенных действий, направленных на удовлетворения личных, семейных, домашних или иных не связанных с предпринимательской деятельностью нужд, если целью такого использования не является получение прибыли или доход. Что касается аналогичной нормы в отношении топологий интегральных микросхем, пункт 2 статьи 1456 ГК РФ устанавливает суженные возможности такого использования: не является нарушением исключительного права на топологию действия, направленные на использование топологии в личных целях, не преследующих получение прибыли, а также в целях оценки, анализа, исследования или обучения.

Исключительные права как правовую категорию следует отличать от права собственности, поскольку содержание исключительных прав ограничивается правомочиями использования и распоряжения. Однако в юридической доктрине существует так называемая проприетарная концепция исключительных прав, в основе которой находится тезис о трех структурных элементах его содержания. В частности, такой позиции придерживаются Л. Б. Гальперин и Л. А. Михайлова, по утверждению которых к исключительным правам в полной мере применима классическая триада правомочий, через которые раскрывается право собственности. При этом авторами правомочие владения как одного из «триады» права собственности раскрывается как нахождение материалов в обладании субъекта, причем в качестве такого субъекта они называют как собственника, так и иное лицо [8. – С. 15]. У данной теории много сторонников, суждения которых в целом сводятся к характеристике владения применительно к исключительным правам как фактического облада-

ния субъектом знаний (идей и решений), из которых складывается новшество [35].

Считаем, что подобная аргументация ставит под сомнение классическое понимание правомочия «владение» как правовой категории. Нельзя в один и тот же правовой термин вкладывать различное значение, такое использование юридической терминологии недопустимо. Правомочие владения традиционно связывают с непосредственной связью (с установлением физического господства) конкретного субъекта с объектом права. В таком понимании рассматриваемого правомочия его применение в отношении объектов интеллектуальной собственности в большинстве случаев нереализуемо по причине специфики таких объектов и в первую очередь в виду отсутствия в ряде случаев их выражения на материальном носителе или в иной объективной форме.

При этом в доктрине была высказана позиция, в соответствии с которой предложено сопоставлять правомочие владения не с материальным носителем, а с непосредственно правом, иными словами, предложена конструкция «права на право» [4], что предполагает особый правовой режим.

Считаем, что подобная правовая конструкция лишена смысла и логики, поскольку в данном случае в определенном смысле происходит отождествление права с материальным носителем, что недопустимо.

По мнению С. Т. Котиа, следует говорить о сходстве права собственности и исключительного права, причем основанием для этого является наличие абсолютного права, которое характеризует как право собственности, так и исключительное право [24]. При этом автор делает ссылку на чехословацкого ученого В. Кнаппа, по утверждению которого между правом собственности как абсолютным правом и правом на изобретение может быть проведена лишь аналогия, но не отождествление [23. – С. 120].

В. О. Калятин выделяет следующие признаки «абсолютности» исключительных прав:

- праву соответствует обязанность всех третьих лиц воздержаться от действий, которые не согласуются с данным правом;

- обязанность пассивных субъектов таких правоотношений выступает в форме запрета;

- нарушить исключительное право может любое лицо (третье лицо);

- при этом защита нарушенного права может быть направлена против любого и каждого лица, которое данное право нарушило;

- исключительное право возникает в силу обстоятельств, указанных в законе, к числу которых не относится воля пассивных субъектов права [22].

Однако мы считаем, что в данном случае «классическое» абсолютное право нельзя отождествлять с абсолютностью исключительного права.

Вторая точка зрения на правовую природу исключительных прав противопоставляется проприетарной теории и именуется теорией интеллектуальных прав. В рамках названной теории существует три направления. Одно из них основано на так называемой «отрицательной конструкции исключительных прав». Идеологом данного направления является А. А. Пиленко, по мнению которого исключительное право следует рассматривать как «право запрещения, обращенное ко всем третьим лицам». Однако следует оговориться, что в целом ученый не отрицал позитивный элемент в содержании исключительных прав: «Патентное право, несомненно, имеет два элемента: позитивный («право фабриковать») и негативный («право запрещать фабрикацию»). Этой двойственности никто не отрицает. Но затем возникает дополнительный вопрос: который из указанных двух элементов является более принципиальным, более существенным с точки зрения конструктивной экономики? ...Куда ни повернись, негативная конструкция повсюду представляет для конструктивной техники значительные удобства... Патентное право есть право запрещения: позитивная же возможность фабрикации есть не юридическое понятие, а экономическая функция правового института запрещения» [33. – С. 279].

Аналогичная позиция была высказана Е. Дедковым, который говорит об отсутствии в положениях ГК РФ позитивной функции исключительного права. По утверждению названного автора, запрещение нарушения исключительных прав прямо указано в числе правомочий правообладателя [13. – С. 89].

Опираясь на сделанный им вывод, Е. Дедков следующим образом определил сущность исключительного права: «... сущность исключительного права состоит в праве требования к любому лицу прекратить использование объекта интеллектуальной собственности без согласия правообладателя и воздерживаться от такого неправомерного использования в будущем...» [13. – С. 90].

По нашему мнению, подобная позиция неоправданно сужает права обладателя исключительных прав. Более того, законодатель наделяет обладателя исключительного права обширными возможностями по использованию объекта интеллектуальной собственности – в законе достаточно подробно регламентированы механизмы такого использования.

То же самое можно сказать и о втором направлении, сторонники которого уверены в однозначном существовании только позитивной функции исключительного права. При этом, по их мнению, данная функция всего лишь дополнена правомочием распоряжения. Подобная позиция была высказана в трудах таких ученых, как И. А. Близнец, К. Б. Леонтьев [3. – С. 56], О. Ф. Оноприенко [31. – С. 12].

Таким образом, мы уверены, что третье направление теории интеллектуальных прав, представители которого указывают на сочетание «позитивных» и «негативных» аспектов, наиболее полно отражает содержание исключительного права. Данная позиция является на сегодняшний день весьма распространенной. Одним из ее представителей является, например, Г. Ф. Шершеневич, считающий, что исключительное право обеспечивает для его носителя совершение всех дозволенных действий, при этом предоставляет ему возможность запрещать совершение таких действий всем третьим лицам без его согласия [38. – С. 10]. Более того, основываясь на работах А. П. Сергеева, А. П. Рабец делает вывод о том, что в настоящее время обе функции исключительного права (и негативная, и позитивная) имеют одинаково важное значение [34. – С. 216].

Однако следует отметить, что в конце XIX в. было сформулировано существенное число иных теории, которые так или иначе объяснили правовую природу исключитель-

ных прав. В этой связи нельзя не процитировать бельгийского ученого Э. Пикара, который одним из первых обратил внимание на особую природу исключительных прав. По его словам, «...они (исключительные права – уточнено авторами) существенно отличаются от права собственности на вещь, например, по времени, территории действия, объему охраны, особенностям использования» [Цит. по: 41. – Р. 53]. И это действительно так. Право собственности, в отличие от исключительных прав на большинство объектов интеллектуальной собственности, бессрочно. Право собственности не имеет территориальных границ, в то время как действие исключительного права ограничено определенной территорией и т. д.

В конце XIX в. была разработана так называемая персональная теория (теория личности), суть которой достаточно подробно раскрыта в работах немецкого ученого Отто Фридрих фон Гирке. Суть данной теории заключается в том, что за счет средств и сил, потраченных автором на создание произведения, оно становится как бы частью личности самого автора. По утверждению автора, патентное право представляет собой исключительное право творца изобретения распоряжаться опубликованием и промышленным использованием такового. При этом особую роль среди «личных» прав творца сторонники данной концепции (И. Блюнчли, К. Гарейс и др.) отдают правам на объекты промышленной собственности, которые выступают не чем иным, как средством защиты личности предпринимателя от посягательств со стороны конкурентов [33. – С. 117].

В 60-е гг. XIX в. в Германии была разработана рентная теория, родоначальником которой считается А. Шаффле. Ученый проводит аналогию авторского права с искусственно созданной монополией, которая обеспечивает автору ренты определенную прибыль [32]. А. Шаффле, оценивая автора как квалифицированного работника, пришел к выводу о том, что его по сравнению с другими работниками следует вознаградить иначе. Таким образом, искусственно созданная монополия, по мнению ученого, позволяет авторам получать ренту.

В основу теории социального планирования ее сторонники (Р. Кумб [39. – Р. 1853], М. Мэдоу [42. – Р. 125], Н. Элькин-Корен [40. – Р. 345] и т. д.) ставят положительный общественный эффект, который обеспечивает право интеллектуальной собственности. При этом творческая самостоятельность авторов объектов интеллектуальной собственности, их независимость и обладание определенными правами являются значительным стимулом для создания новых продуктов интеллектуальной деятельности.

Считаем, что исключительные права как правовую категорию следует отличать от вещного права и в первую очередь от права собственности. Кроме того, мы уверены, что к исключительным правам не применимы также такие характеристики, как абсолютность; их нельзя также именовать квазиабсолютными, ослабленными абсолютными правами и т. д. Категория исключительных прав представляет собой самостоятельную правовую категорию, которая объективно существует наравне с вещными и обязательственными правами.

В заключение, на наш взгляд, уместно привести высказывание О. А. Городова о том, что «исключительные права... производны от сущности объекта, подлежащего охране, а также от тех экономических и социальных условий, в которых оптимален его коммерческий (хозяйственный) оборот» [10. – С. 9].

Действующее российское законодательство не содержит перечня оснований для приобретения исключительных прав на объекты промышленной собственности, что неудивительно, учитывая отсутствие законодательного перечня таких объектов, а также дефиниции промышленной собственности.

Вместе с тем на доктринальном уровне неоднократно предпринимались попытки классификации оснований и способов приобретения исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, в том числе на промышленную собственность.

В основе одной из возможных классификаций способов приобретения исключительных прав лежит принцип их деления на договорные и внедоговорные. Очевидно, что в качестве критерия данной классификации используется факт наличия или отсутствия договора как основания приобретения исклю-

чительного права. В числе внедоговорных способов приобретения следует назвать универсальное правопреемство. К числу внедоговорных способов приобретения, безусловно, относятся факты создания объектов интеллектуальной собственности (для объектов авторского права), а также факт первичной регистрации объектов патентного права и средств индивидуализации субъектов права, производимых или / и реализуемых ими товаров, оказания услуг или выполнения работ.

Однако считаем, что наибольший интерес, в том числе обусловленный практической значимостью, представляет классификация, в основу которой положен критерий правопреемства. Классифицировать таким образом способы приобретения исключительных прав можно по аналогии с классификацией объектов традиционного права собственности: на первоначальные и производные. Такая классификация позволяет дать ответ на один из важнейших вопросов в отношении права интеллектуальной собственности в целом: с какого момента объект интеллектуальной собственности получает правовую охрану и, соответственно, правообладатель приобретает исключительное право.

Использование названного критерия классификации позволяет отнести к производным способам приобретения права универсальное правопреемство, а также переход исключительных прав от одного правообладателя к другому в соответствии с условиями заключенного гражданского-правового или предпринимательского договора.

При таком подходе к первоначальным способам относятся те, при которых отсутствует переход исключительного права: это вновь факт первичной регистрации объектов патентного права и средств индивидуализации субъектов права, производимых или / и реализуемых ими товаров, оказания услуг или выполнения работ. Кроме того, к первоначальным способам считаем возможным отнести также уступку права на получение патента в отношении объектов патентного права. Подобная ситуация может сложиться в двух случаях: когда лицо, имеющее право на получение правоустанавливающего документа в отношении объекта промышленной собственности, на стадии его получения пере-

уступает его иному лицу. Кроме того, охраняемый документ на стадии его оформления может быть также выдан не лицу, имеющему право на его получение, а его правопреемникам, например, наследникам.

При этом следует иметь в виду, что возможность применения того или иного способа приобретения исключительных прав напрямую зависит от конкретного объекта права промышленной собственности. Объекты, для которых преимущественное значение имеет форма их выражения, получают правовую охрану (соответственно, у правообладателя на них возникает исключительное право) с момента выражения такого объекта в какой-либо объективной форме. На объекты, особое значение которых выражается в их содержании, исключительное право возникает с момента их государственного признания, т. е. в установленном законом порядке их регистрации. В этой связи необходимо упомянуть о двух понятиях, которые были введены для обозначения подобных ситуаций В. А. Дозорцевым и активно используются в юридической литературе: «созидательная система оснований возникновения первоначального права» и «регистрационная система оснований возникновения первоначального права» [Цит. по: 20. – С. 12; 21. – С. 14–15, 17–19, 43–45, 351–352].

Используя названные понятия, отметим, что регистрационная система действует в отношении объектов патентного права и в отношении средств индивидуализации, в свою очередь созидательная система применима в отношении тех объектов промышленной собственности, которые получают правовую регламентацию в рамках авторского права. Речь в данном случае идет о программах для ЭВМ, топологиях интегральных микросхем, а также баз данных.

В соответствии с действующим законодательством названные объекты промышленной собственности для получения правовой охраны должны обладать двумя признаками, а именно: они должны являться результатом творческого труда и быть выраженными в объективной форме. Указание на творческий характер объекта авторского права прямо в нормах гражданского законодательства не называется в отличие от ранее действующего

законодательства. В частности, утративший силу в связи с принятием части четвертой ГК РФ Закон РФ «Об авторском праве и смежных правах»¹ прямо предусматривал, что объектом авторского права может быть только творчески созданный результат деятельности автора. Вместе с тем текстуальный анализ норм ГК РФ позволяет говорить о том, что законодатель сохранил ранее действующий подход к определению критериев охраноспособности объектов авторского права.

Данный вывод подтверждается также судебной практикой. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 5 и Пленума ВАС РФ от 26 марта 2009 г. № 29 указано следующее: «при анализе вопроса о том, является ли конкретный результат объектом авторского права, судам следует учитывать, что по смыслу статей 1228, 1257 и 1259 ГК РФ в их взаимосвязи таковым является только тот результат, который создан творческим трудом. При этом надлежит иметь в виду, что пока не доказано иное, результаты интеллектуальной деятельности предполагаются созданными творческим трудом»².

Часто в отечественной доктрине выделяют и иные признаки охраноспособности. Например, как отмечает М. В. Гордон, одним из элементов творчества является новизна произведения, что свидетельствует о самостоятельности проделанной автором работы. При этом, по мнению ученого, понятие новизны применительно к объектам авторского права характеризуется относительностью, поскольку практически любое произведение, созданное автором в области науки или литературы, основано на достижениях его предшественников [9. – С. 63]. Аналогичная позиция была также высказана О. А. Красавчиковым, по мнению которого результатом творческой самостоятельной деятельности является произведение, отличающееся новизной [25. – С. 447].

¹ Закон РФ от 9 июля 1993 г. № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах» (утратил силу; ред. от 20.07.2004) // Российская газета. – 1993. – № 147.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума ВАС РФ от 26 марта 2009 г. № 29 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2009. – № 70.

В свою очередь В. Я. Ионас и М. И. Никитина в числе признаков охраноспособности объектов авторского права называют существенную новизну произведения, а также его воспроизводимость [19; 29]. Последний критерий охраноспособности произведений авторского права был прямо указан в действующих на том этапе Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик от 1961 г.: авторское право распространяется на произведения, выпущенные в свет или не выпущенные в свет, но выраженные в какой-либо объективной форме, позволяющей воспроизводить результат творческой деятельности автора (ст. 96)¹.

Действующее законодательство не устанавливает требования о новизне и возможности воспроизведения объекта авторского права в качестве необходимого критерия для получения таким объектом правовой охраны. Более того, в соответствии с пунктом 28 названного Постановления ВС РФ и ВАС РФ № 5/29 от 2009 г., «необходимо также иметь в виду, что само по себе отсутствие новизны, уникальности и (или) оригинальности результата интеллектуальной деятельности не может свидетельствовать о том, что такой результат создан не творческим трудом и, следовательно, не является объектом авторского права».

Отметим, что подобный подход характерен не только для отечественного законодательства. Правовая охрана предоставляется только тем объектам, которые созданы творческим трудом, например, в соответствии с Бернской конвенцией по охране литературных и художественных произведений от 1886 г.² Данные положения воспроизведены в законодательстве Германии, где к объектам авторского права относятся произведения литературы, науки и искусства, созданные личным творческим трудом [2. – С. 970].

¹ Закон СССР от 8 декабря 1961 г. «Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» (утратил силу; ред. от 12.06.1990) // Ведомости ВС СССР. – 1961. – № 50. – Ст. 525.

² Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) // Бюллетень международных договоров. – 2003. – № 9.

Вместе с тем в ряде зарубежных стран оригинальность рассматривается в качестве обязательного признака авторского произведения. Так, в соответствии с законодательством США произведение, выраженное в материальной форме, должно обладать оригинальностью. Вместе с тем, закрепляя оригинальность как обязательное качество произведения, законодательство США не упоминает о творческом характере усилий автора по его созданию [18. – С. 956, 974, 975].

Ученые общего права Великобритании Л. Бенгли и Б. Шерман указывают на оригинальность как на один из наиболее известных критериев предоставления литературным, драматическим, музыкальным произведениям и произведениям изобразительного искусства правовой охраны. При этом они считают, что критерий оригинальности применительно к объектам авторского права отличается от его обычного использования: под оригинальностью они предлагают считать меру труда, умения или приложенных авторов усилий, в результате которых создается произведение [2. – С. 151–174]. На наш взгляд, практически это не осуществимо, поскольку невозможно оценить труд и умение автора с точки зрения оригинальности.

Ссылаясь на критерий творческого характера, не все авторы относят к объектам авторского права программы для ЭВМ. Так, Д. Липчик утверждает, что программы для ЭВМ не соответствуют данному критерию, поскольку творческий характер предполагает принадлежность к сфере искусства, к чему-то прекрасному [26].

По нашему мнению, создание программы для ЭВМ просто невозможно без творческого подхода ее создателя. При этом в соответствии с действующим законодательством отнесение объекта исключительно «к сфере искусства и чему-то прекрасному» не является обязательным условием для получения им охраны в рамках авторского права.

Кроме того, необходимо отметить, что в отношении топологий интегральных микросхем в пункте 2 статьи 1448 ГК РФ законодатель прямо указал на два необходимых условия получения названными объектами правовой охраны: в их числе критерий творческого характера при их создании, а также ориги-

нальность. И это не единственная особенность правового регулирования названного объекта.

Так, в отличие от иных объектов закон допускает возникновение самостоятельного исключительного права за лицом, независимо создавшим топологию, идентичную другой топологии (п. 3 ст. 1454 ГК РФ). Иными словами, получение топологией интегральной микросхемы правовой охраны не поставлено в зависимость от наличия иных аналогичных микросхем. Подобное правило предусмотрено только в отношении рассматриваемого объекта, в отношении же иных закон не предусматривает возможности предоставления правовой охраны двум и более аналогичным произведениям. Более того, по утверждению В. А. Дозорцева, в силу объективных причин повторное создание такого же произведения невозможно: «Из векового опыта человечества известно, что творческие результаты не могут быть созданы аналогичными по форме независимо от первого их творца, они всегда уникальны и отличаются друг от друга» [14. – С. 13, 114].

Считаем, что установленная законодателем конструкция противоречит сущности исключительного права как определенной в рамках закона монополии правообладателя в отношении объекта исключительной собственности. Существование самостоятельных исключительных прав у двух лиц на идентичные топологии интегральных микросхем может привести к конфликту интересов и, как следствие, нарушению права первоначального правообладателя. Очень сложно доказать, что вторично созданная топология не основана на первоначальной, равно как и обосновать независимость создания более поздней топологии.

Более того, по нашему мнению, положение пункта 3 статьи 1454 ГК РФ о возможности существования нескольких самостоятельных исключительных прав на идентичные топологии интегральных микросхем на практике будет вступать в противоречие с правилами пункта 2 статьи 1448 ГК РФ, в соответствии с которым правовая охрана распространяется только на оригинальную топологию интегральной микросхемы. Оригинальность как критерий предоставления правовой

охраны предполагает уникальность каждого из объектов, их явные отличительные особенности. Таким образом, возникает закономерный вопрос, возможно ли в принципе возникновение нескольких самостоятельных исключительных прав на идентичные, т. е. тождественные, практически сходные, топологии, в то время как в подобной ситуации не будет соблюдено одно из основных условий предоставления правовой охраны в принципе – оригинальность топологии.

Таким образом, предлагаем в отношении топологии интегральных микросхем исключить возможность признания за лицом, независимо создавшим топологию, идентичную другой топологии, самостоятельного исключительного права на эту топологию и исключить пункт 3 из текста статьи 1454 ГК РФ.

Вместе с тем следует отметить, что не только топологии интегральных микросхем можно создать одинаковым способом. Не отличаются абсолютной уникальностью также иные объекты промышленной собственности, регулируемые в рамках авторского права – программы для ЭВМ и базы данных. Они возникают на основе одной и той же информации (например, на основании абзаца 2 пункта 2 статьи 1260 ГК РФ, базой данных является совокупность самостоятельных материалов (статей, расчетов, нормативных актов, судебных решений и иных подобных материалов), систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью электронной вычислительной машины (ЭВМ), с использованием одинаковых данных или идентичных способов). Именно поэтому наиболее распространенными будут случаи появления одинаковых программ для ЭВМ и баз данных, созданных двумя независимыми авторами.

В соответствии со статьей 1261 ГК РФ под программой для ЭВМ понимается представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения. Исходя из представленного законодательного опреде-

ления, не представляется возможным выявить признаки охраноспособности данного объекта. Вместе с тем, учитывая положения пункта 1 статьи 1259 ГК РФ, в соответствии с которыми программы для ЭВМ охраняются как литературные произведения и относятся к объектам авторского права, можно назвать единственным признак – признак творческого характера труда автора в процессе создания им программы для ЭВМ.

Как мы уже отмечали, в РФ оригинальность не является необходимым критерием наделяющей правовой объектов авторского права, в том числе программ для ЭВМ и баз данных. Однако, основываясь на действующем законодательстве, отметим, что существенным условием творческого характера любого создаваемого литературного произведения или иного объекта авторского права является недопустимость при создании нового объекта авторского права нарушения авторских и иных прав, а также законных интересов иных авторов. Из этого мы можем сделать вывод о том, что творческое произведение должно обладать признаком оригинальности. Данный вывод подтверждается также судебной практикой, когда суды ссылаются на признак оригинальности того или иного объекта авторского права.

Так, в Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 5 апреля 2013 г. № 09АП-6762/2013-ГК прямо указано: «...творческий характер результата деятельности подразумевает, что такой результат должен удовлетворять критериям оригинальности и неповторимости»¹.

Что касается баз данных, следует отметить, что законодателем они отнесены к смежным объектам авторского права, при этом, исходя из законодательной дефиниции баз данных, к критериям их охраноспособности можно отнести следующие:

1. База данных представляет собой совокупность самостоятельных материалов, при этом в законе указано на такие материалы: статьи, расчеты, нормативные акты, судебные решения, а также иные аналогичные материалы. Очевидно, что, как правило, базы данных аккумулируют неохраняемые в рамках авторского права объекты. Это связано с тем, что современный период компьютеризации и информатизации базы данных, которые содержат информационные материалы, приобретают особое значение. Вместе с тем подбор информации, которая составляет содержание базы данных, имеет принципиальное значение.

2. Совокупность материалов должна быть систематизирована, причем систематизирована таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью ЭВМ. Именно данный признак, на наш взгляд, следует назвать основополагающим, поскольку правовую охрану получает не содержание базы данных, а способ ее систематизации. Иными словами, ценность базы данных заключается в том, каким образом организована информация.

3. Систематизированные материалы должны быть представлены в объективной форме.

Как отмечено в юридической литературе, деятельность изготовителя базы данных не отвечает признакам творчества, в соответствии со статьей 1257 ГК РФ. По мнению В. И. Еременко, такая работа носит исключительно организационно-технический характер, который не имеет отношения к творческой деятельности, при этом автор ссылается на пункт 1 статьи 1333 ГК РФ, на основании которого изготовителем базы данных может выступать лицо, являющееся организатором создания базы данных, т. е. работы по сбору, обработке и расположению входящих в нее материалов [17].

Считаем, что подобный вывод ошибочен. Безусловно, он основан на действующем законодательстве, поскольку в законе прямо сказано об изготовителе, который организует работу. Однако, на наш взгляд, в данном случае мы имеем дело с несовершенством закона. Творческим характером деятельности по организации, конечно, обладать

¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 5 апреля 2013 г. № 09АП-6762/2013-ГК по делу № А40-94794/12-26-807. В удовлетворении иска о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на аудиовизуальное произведение отказано правомерно, поскольку спорные видеоролики не являются объектами авторского права. – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=MARB&n=495101&req=doc>

не может, однако творческий характер присущ подбору и систематизации материалов, которые не следует рассматривать только как техническую работу. Изначально необходимо подобрать материал, для чего следует определить единые критерии, затем разработать структуру систематизации информации, в любом случае необходимо проявить творческие качества. Без них невозможно ни подобрать необходимый материал, ни систематизировать его не просто иначе, а таким образом, чтобы максимально облегчить работу пользователей создаваемой базы данных. В противном случае может возникнуть нарушение исключительных прав первичного правообладателя.

По нашему мнению, отсутствие прямого указания в законе на иные критерии охраноспособности баз данных может привести к существенным нарушениям исключительных прав на данные объекты права.

Кроме того, вызывает сомнение дефиниция изготовителя базы данных. Остается неясным, почему изготовителем будет являться лицо, которое организовало соответствующую работу, а не лицо, которое реально выполняло подбор, обработку и систематизацию материалов в целях создания базы данных. На наш взгляд, именно такой подход является более логичным.

Считаем, что для создания таких объектов промышленной собственности, как программы для ЭВМ и базы данных, необходим творческий подход, при этом правовую охрану должен получать только тот объект, который отличается оригинальностью. Понятие оригинальность, как и в отношении топологий интегральных микросхем, в данном случае приобретает особое значение. Применительно к топологиям интегральных микросхем, программ для ЭВМ и баз данных их оригинальность должна заключаться не в их содержании, а в порядке и способах расположения, систематизации или совокупности данных и команд.

В целях повышения защиты правообладателей исключительных прав на программы для ЭВМ и базы данных целесообразно внести изменения в статью 1261 ГК РФ и пункт 1 статьи 1333 ГК РФ, изложив их в следующей редакции:

«Ст. 1261. Программой для ЭВМ является представленная в объективной форме оригинальная совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ и порождаемые ею аудиовизуальные отображения».

«Ст. 1333.

1. Изготовителем базы данных признается лицо, собравшее, обработавшее и оригинальным образом систематизировавшее составляющие ее материалов...».

Одним из существенных моментов в праве интеллектуальной собственности является вопрос определения момента приобретения исключительных прав. Особое значение, на наш взгляд, данный вопрос приобретает в отношении объектов промышленной собственности. Отметим, что исключительные права на программы для ЭВМ, топологии интегральных микросхем и базы данных возникают с момента факта их создания. Иными словами, законодатель не ставит приобретение названными объектами правовой охраны в зависимость от соблюдения каких-либо формальностей.

Вместе с тем автор или иной правообладатель в течение всего срока действия исключительных прав на программы для ЭВМ, базы данных (за исключением сведений, составляющих государственную тайну) и топологии интегральных микросхем может зарегистрировать их в федеральном органе исполнительной власти по интеллектуальной собственности (ст. 1262, 1452 ГК РФ). Следует иметь в виду, что в данном случае их регистрация не имеет правоустанавливающего значения.

В отличие от объектов промышленной собственности, охраняемых в рамках авторского права, правовая охрана объектам патентного права предоставляется с момента их государственной регистрации.

Отметим, что в отношении объектов патентного права законодатель предъявляет различные требования к их охраноспособности. Единственным общим критерием является новизна промышленных образцов, изобре-

тений и полезных моделей. При этом требование новизны в отношении каждого из них в законе раскрывается по-разному. В частности, промышленный образец признается новым только при условии, что совокупность его существенных признаков, которые выражены во внешнем виде изображения, не известна из сведений, ставших общедоступными в мире до даты приоритета промышленного образца (п. 2 ст. 1352 ГК РФ). Полезная модель является новой, если совокупность ее существенных признаков не известна из уровня техники (п. 2 ст. 1351 ГК РФ). При этом изобретение считается новым, если оно не известно из уровня техники (п. 2 ст. 1350 ГК РФ).

Вместе с тем, на наш взгляд, можно говорить о том, что в отношении названных объектов права промышленной собственности понятие новизны как критерий предоставления им правовой охраны имеет единое «классическое» значение – это «нечто новое в чем-нибудь» [Цит. по: 30. – С. 419]. Как справедливо отмечает К. В. Всевожский, комментируя норму о новизне изобретения, «для изобретения новизна эквивалентна неизвестности; новым признается то, чего раньше никогда не существовало, что не совпадает ни с чем ранее известным «из уровня техники» и не следует из этого известного очевидным для специалиста образом» [5. – С. 514], что можно сказать и о промышленном образце и полезной модели.

До проведения реформы гражданского законодательства в процессе проверки того или иного объекта промышленной собственности на уровень новизны применялись различные подходы. Так, например, при квалификации полезной модели или промышленного образца на новизну уровень техники включал опубликованные в мире сведения о средствах того же назначения, что и заявленная полезная модель или, соответственно, заявленный промышленный образец, в отличие, например, от оценки новизны изобретения. Кроме того, при оценке новизны полезной модели учитываются лишь ее существенные признаки. В отношении изобретений ранее действующее законодательство содержало правило об абсолютной новизне. При этом в процессе установления новизны изобретения в уровень

техники включались все поданные в России другими лицами заявки на выдачу патентов на изобретения и полезные модели.

Федеральным законом от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ¹ были внесены существенные изменения в положения ГК РФ в части проверки промышленных образцов, полезных моделей и изобретений на соблюдение критерия новизны. В редакции названного закона при проверке новизны рассматриваемых объектов промышленной собственности в уровень техники также включаются (при условии более раннего приоритета) все заявки на выдачу патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец, которые поданы в Российской Федерации другими лицами.

Считаем, что такой подход законодателя заслуживает одобрения.

Совершенно иначе законодатель подходит к определению новизны селекционных достижений: они считаются новыми, если на дату подачи заявки на выдачу патента семена или племенной материал данного селекционного достижения не продавались и не передавались иным образом селекционером, его правопреемником или с их согласия другим лицам для использования селекционного достижения:

- 1) на территории Российской Федерации ранее чем за один год до указанной даты;
- 2) на территории другого государства ранее чем за четыре года или, если это касается сортов винограда, древесных декоративных, древесных плодовых культур и древесных лесных пород, ранее чем за шесть лет до указанной даты (п. 3 ст. 1413 ГК РФ).

По мнению О. А. Городова, «...проводя сравнение требования новизны селекционного достижения с требованием новизны технических и художественно-конструкторских решений, следует подчеркнуть, что законодатель в отношении селекционных достижений не прибегает к использованию общедоступных сведений в качестве одного из параметров оценки заявленного решения на новизну.

¹ Федеральный закон от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 11. – Ст. 1100.

Новизну селекционного достижения может опровергнуть лишь факт продажи либо передачи иным образом третьим лицам семян или племенного материала данного селекционного достижения для целей его использования» [11. – С. 290]. С этим утверждением следует согласиться. Понятие новизны в данном случае раскрывается через понятие запрета на вступление исключительных прав, равно как и самих селекционных достижений, в оборот, что в целом несвойственно для определения критериев охраноспособности объектов патентного права. Причем такой подход отечественного законодателя в целом соответствует положениям основополагающих международных актов в области правовой охраны селекционных достижений. В частности, в соответствии со статьей 6 Международной конвенцией по охране селекционных достижений¹, сорт растения считается новым, если на дату подачи заявки на предоставление права селекционера посадочный или плодовой материал этого сорта не продавался или не передавался иным образом другим лицам владельцем или с его согласия для использования сорта:

1) на территории договаривающейся стороны, в компетентный орган которой заявка была подана ранее чем за год до этой даты;

2) на территории любой другой договаривающейся стороны, в компетентный орган которой заявка была подана ранее чем за четыре года или в случае древесных культур или винограда ранее чем шесть лет до указанной даты.

Общим критерием для изобретений и полезных моделей является также критерий промышленной применимости (абзац 2 п. 1 ст. 1350 ГК РФ и абзац 2 п. 1 ст. 1351 ГК РФ). Изобретение или полезная модель отвечают данному критерию только в том случае, если его можно использовать в промышленности, сельском хозяйстве, здравоохранении, других отраслях экономики или в социальной сфере.

¹ Международная конвенция по охране селекционных достижений (подписана в Женеве 19.03.1991) // Международная конвенция по охране селекционных достижений от 2 декабря 1961 г., пересмотренная в Женеве 10 ноября 1972 г., 23 октября 1978 г. и 19 марта 1991 г. Публикация УПОВ № 221(R). – Женева : Международный союз по охране селекционных достижений, 1992.

Примечательно, что указанный критерий предоставления правовой охраны названным объектам промышленной собственности используется в законодательстве многих стран (либо сходные по смыслу критерии: критерии полезности, промышленной пригодности и т. д.), что соответствует международным актам. Так, например, данный критерий назван в Евразийской патентной конвенции² и в Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности³. Вместе с тем стоит обратить внимание на используемую в законе формулировку: «... может быть использовано...». Исходя из принципа буквального толкования закона, можно сделать вывод о том, что изобретение или полезная модель должны иметь потенциальную возможность их использования.

Третьим совокупным условием патентоспособности изобретений является их изобретательский уровень. Отметим, что названный критерий применяется только в отношении изобретений. Применение названного критерия, в основе которого, безусловно, лежит творческий процесс, отличает одно техническое решение от другого. В соответствии с абзацем 2 пункта 2 статьи 1350 ГК РФ, изобретение имеет изобретательский уровень только лишь в том случае, если оно не следует из современного уровня техники для специалиста. В 2011 г. Роспатентом был издан приказ, в котором данное положение раскрывается «от обратного»: «Изобретение явным образом следует для специалиста из уровня техники, если оно может быть признано созданным путем объединения, изменения или совместного использования сведений, содержащихся в уровне техники, и/или общих знаний специалиста»⁴.

Вторым критерием предоставления правовой охраны промышленным образцам

² Евразийская патентная конвенция (заключена в Москве 09.09.1994) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 20. – Ст. 2323.

³ Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS) (заключено в Марракеше 15.04.1994). – URL: <http://base.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc;base=INT;n=5160>

⁴ Приказ Роспатента от 25 июля 2011 г. № 87 (ред. от 14.01.2014) «О введении в действие Руководства по экспертизе заявок на изобретения». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_118857/

(наравне с критерием новизны) является условие его оригинальности. На основании пункта 3 статьи 1352 ГК РФ промышленный образец соответствует критерию оригинальности при условии, что все его существенные признаки обусловлены творческим характером особенностей изделия. К числу таких признаков отечественный законодатель относит те признаки, которые определяют эстетические особенности внешнего вида изделия. При этом в качестве примера в действующей редакции ГК РФ перечислены такие признаки, как форма, орнамент, контуры изделия, его конфигурация, сочетание цветов или линий, фактура материала изделия и т. д. Напомним, что до внесения изменений, в соответствии с ранее действовавшей редакцией абзаца 3 пункта 1 статьи 1352 ГК РФ, существенными признаками назывались те, которые определяли не только эстетические, но и (или) эргономические особенности внешнего вида изделия, при этом в их числе были названы форма, конфигурация, орнамент и сочетания. В доктрине исключение из числа признаков промышленного образца эргономических особенностей не нашло поддержки [16]. Наибольшие условия охраноспособности отечественный законодатель предъявляет к селекционным достижениям. В соответствии с пунктом 2 статьи 1413 ГК РФ, в числе таких условий, помимо критерия новизны, названы также отличимость, однородность и стабильность. Заметим, что перечисленные условия в значительной степени отличаются от тех совокупных условий, которые предъявляет российский законодатель к объектам патентного права. Вместе с тем, такой подход в полной мере соответствует международным актам. Так, например, аналогичные условия перечислены в Международной конвенции по охране селекционных достижений от 1991 г., а также в Рекомендациях Международной торговой палаты (Всемирной организации бизнеса – ICC) по интеллектуальной собственности¹.

¹ Рекомендации ICC по интеллектуальной собственности. Обзор актуальных вопросов для предпринимателей и органов власти. Вып. 11. – Международная торговая палата, 2012. – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CMB;n=17289>

Очевидно, что выбор критериев предоставления правовой охраны селекционным достижениям обусловлен их спецификой, которая заключается в том, что результат интеллектуальной собственности должен быть воплощен в живом и самовоспроизводящемся биологическом организме. При этом селекционное достижение является единственным объектом интеллектуальной собственности, который в реальности не может существовать вне материального объекта.

Следующий признак охраноспособности селекционных достижений – отличимость – основан на сравнении указанного в заявке от иного общеизвестного селекционного достижения, которое существует на дату заявки на выдачу патента. При этом в законе указано на «явное отличие». По своему содержанию критерий отличимости соответствует признаку новизны, который характерен для объектов патентного права, что неоднократно подчеркивалось в юридической литературе [7; 37. – С. 343; 12; 20. – С. 297]. Кроме того, на сходство названных условий указывает также общее для их реализации требование установления общеизвестности по дате подачи заявки на выдачу патента на соответствующий результат интеллектуальной деятельности [20]. При применении критерия отличимости поданному на регистрацию селекционному достижению противопоставляются существующие в объективной форме общеизвестные селекционные достижения. При этом под общеизвестными понимаются достижения, данные о которых находятся в официальных каталогах или справочном фонде либо которые имеют точное описание в одной из публикаций. Иными словами, законодатель установил закрытый перечень источников, в которых могут быть размещены общеизвестные сорта растений и пород животных: это официальные каталоги, справочный фонд или публикация, которая содержит достаточно точное описание объекта. На наш взгляд, в современном мире с учетом использования всемирной сети Интернет ограничение подобного перечня является ошибкой законодателя. В традиционном понимании термин «публикация» означает изданное произведение. Считаем, что абзац 2 пункта 4 статьи 1413 ГК РФ следует изложить в сле-

дующей редакции: «Общеизвестным селекционным достижением является селекционное достижение, данные о котором находятся в официальных каталогах или справочном фонде либо которое имеет точное описание в одной из публикаций, в том числе размещенных в сети Интернет». Заслуживает внимания также следующий вопрос. Селекционному достижению противопоставляются достижения, зарегистрированные или заявленные на мировом уровне. В юридической доктрине данное положение было подвергнуто критике. В частности, И. Э. Мамиофа [28. – С. 19–20] и В. А. Дозорцев [14] предположили, что один и тот же сорт растений может проявлять себя по-иному в различных климатических условиях, вследствие чего для регистрации селекционного достижения вполне достаточно

местной, а не мировой новизны. Данная позиция была поддержана и О. А. Городовым [11].

Однородность селекционного достижения как один из критериев охраноспособности селекционных достижений означает, что растения одного и того же сорта или животные одной породы должны быть достаточно однородны по своим признакам с учетом некоторых возможных отклонений, которые могут проявляться в связи с их размножением.

В свою очередь критерий стабильности заключается в том, что в процессе воспроизводства селекционного достижения его отличительные признаки должны оставаться неизменными. Следует признать правоту О. А. Городова, по мнению которого данный признак обеспечивает однородность селекционного достижения в нескольких поколениях сорта или породы.

Список литературы

1. Аникин А. С. Правомочие обладания как элемент субъективного исключительного права // Юрист. – 2007. – № 4. – С. 22–24.
2. Бентли Л., Шерман Б. Право интеллектуальной собственности: авторское право / пер. с англ. В. Л. Вольфсона. – СПб., 2004.
3. Близнац И. А., Леонтьев К. Б. Авторское право и смежные права : учебник. – М. : Проспект, 2010.
4. Венгеров А. Б. Правовой узел современности // Общественные науки и современность. – 1992. – № 4. – С. 23–33.
5. Всевожский К. В. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части четвертой / под ред. П. В. Крашенинникова. – М. : Статут, 2011.
6. Гаврилов Э. П. Проект части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации грозит катастрофой // Патенты и лицензии. – 2000. – № 10. – С. 13–18.
7. Гаврилов Э. П., Еременко В. И. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный). – М. : Экзамен, 2009.
8. Гальперин Л. Б., Михайлова Л. А. Интеллектуальная собственность: сущность и правовая природа // Советское государство и право. – 1991. – № 12. – С. 37–42.
9. Гордон М. В. Советское авторское право. – М., 1955.
10. Городов О. А. Интеллектуальная собственность: правовые аспекты коммерческого использования : дис. ... д-ра юр. наук. – СПб., 1999.
11. Городов О. А. Право промышленной собственности : учебник. – М. : Статут, 2011.
12. Гришаев С. П. Правовая охрана селекционных достижений. – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CJ1;n=23450>
13. Дедков Е. А. Пресечение и запрещение нарушения исключительного права // Хозяйство и право. – 2011. – № 2. – С. 88–96.
14. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации : сборник статей. – М. : Статут, 2005.
15. Дозорцев В. А. Охрана селекционных достижений в СССР. – М., 1969.
16. Еременко В. И. Изменения в патентном законодательстве Российской Федерации // Законодательство и экономика. – 2014. – № 8. – С. 7–32.

17. *Еременко В. И.* Изменения в сфере авторского права и смежных прав в Российской Федерации // Законодательство и экономика. – 2014. – № 7. – С. 7–10.
18. *Залесский В. В.* Основные институты гражданского права зарубежных стран: Сравнительно-правовое исследование. – М. : Норма. 2000.
19. *Ионас В. Я.* Произведения творчества в гражданском праве. – М., 1972.
20. *Калятин В. О.* Интеллектуальная собственность (Исключительные права) : учебник. – М., 2000.
21. *Калятин В. О.* Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации : сборник статей. – М., 2003.
22. *Калятин В. О.* Сущность права на результаты интеллектуальной деятельности (на примере авторского права) // Журнал российского права. – 1999. – № 9. – С. 91–98.
23. *Кнапп В.* По поводу дискуссии о системе права // Советское государство и право. – 1957. – № 5. – С. 114–120.
24. *Котиа С. Т.* Исключительное право на результат интеллектуальной деятельности: понятие, сущность и правомочие правообладателя // Российский судья. – 2011. – № 4. – С. 32–34.
25. *Красавчиков О. А.* Советское гражданское право : учебник : в 2 т. – Т. 2. – М., 1985.
26. *Липцик Д.* Авторское право и смежные права : пер. с фр. – М. : Ладомир : ЮНЕСКО, 2002.
27. *Ломидзе О. Г.* Правонаделение в гражданском законодательстве России. – СПб. : Юридический Центр Пресс, 2003.
28. *Мамиофа И. Э.* О правовой охране селекционных достижений // Вопросы изобретательства. – 1969. – № 1. – С. 19–20.
29. *Никитина М. И.* Авторское право на произведения науки, литературы, искусства. – Казань, 1972.
30. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999.
31. *Оноприенко О. Ф.* Интеллектуальные права на селекционные достижения в России // Патенты и лицензии. – 2010. – № 3. – С. 10–18.
32. *Пиленко А. А.* Право изобретателя. – М., 2001.
33. Право собственности: актуальные проблемы / отв. ред. В. Н. Литовкин, Е. А. Суханов, В. В. Чубаров. – М., 2008. – Глава 6.
34. *Рабец А. П.* Правовая охрана товарных знаков в России: современное состояние и перспектива. – СПб., 2003.
35. *Рассудовский В. А.* Интеллектуальная собственность и инновационное предпринимательство // Российская юстиция. – 1994. – № 12. – С. 9–13.
36. *Рассудовский В. А.* Проблемы правового регулирования инновационной деятельности в условиях рыночной экономики // Государство и право. – 1994. – № 3. – С. 60–69.
37. *Сергеев А. П.* Гражданское право : учебник : в 3 т. – Т. 3. – М., 2009.
38. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. – М., 1912.
39. *Coombe R.J.* Objects of Property and Subjects of Politics: Intellectual Property Law and Democratic Dialogue // Texas Law Rev. – 1991. – N 69. – P. 249–285.
40. *Elkin-Koren N.* Copyright Law and Social Dialogue on the Information Superhighway: The Case Against Copyright Liability of Bulletin Board Operators // Cardozo Arts & Entertainment Law J. – 1995. – N 13. – P. 345–411.
41. *Hennebicq L.* Les Droits Intellectuels et Universels. Les Nouvelles. – Bruxelles : Corpus Juris Belgici, 1936.
42. *Madow M.* Private Ownership of Public Image: Popular Culture and Publicity Rights // California Law Rev. – 1993. – N 81. – 127–240.